

Глава 26. Мой Будда не спасает бедняков

— Что это за «праведник»?!

Цю Бодэн, облокотившись на борт летающей лодки и подперев голову рукой, смотрел вниз.

— Ладно, поле

тели дальше.

Лодка «Небесный снег» опустилась на высоту десяти чжанов, и тогда стали ясны источники безумных песен и воплей. Внизу, на большом камне, стоял босой монах в рваной одежде, с огромными чётками на шее и плетёными сандалиями в руках. Он прыгал, размахивал руками и, судя по его виду...

Цю Бодэн готов был поспорить, что тот не мылся дней шесть-семь.

Какая разница между спасением такого «праведника» и размещением на борту источника биологического загрязнения десятого уровня?

— А? — Лу Цзин вытянул шею, заглядывая вниз. — Спасение одной жизни ценнее возведения семиярусной пагоды. Мы что, правда его бросим?

— Ты, из Долины Медицины, с каких пор пагоды строишь? — возразил Цю Бодэн. — Разве в Школе Будды не говорят: «Прими страдания как путь»? Я вижу, что это великий монах, который режет свою плоть, дабы накормить голодных духов. Не будем мешать ему достигать просветления!

— Воистину мудрое замечание, молодой господин Цю! — Цзо Юэшэн, разглядев лицо монаха, отвернулся. — Этот парень — жвачка, прилипшая к подошве, кто наступит, тот поймёт! Идём, идём, вернёмся к костям.

Летающая лодка на миг замерла, но затем вновь начала набирать высоту, и когда уже казалось, что они действительно решили улететь, монах внизу дёрнул себя за рукав и во всю мощь лёгких закричал:

— Благодетели! Двухголовый дракон Куй! Цветок трёх жизней! Котел Девяти Драконов!

Троица, уже направившаяся к игральному столу, как по команде замерла.

Цзо Юэшэн с важным видом произнёс:

— Павильон Гор и Морей поддерживает добрые отношения со Школой Будды. Оставить его в беде было бы неправильно.

Лу Цзин серьёзно добавил:

— Я же говорил, спасение одной жизни ценнее возведения семярусной пагоды.

Цю Бодэн недовольно нахмурился. Он достал платок и плотно обвязал им лицо, закрыв нос и рот. Затем он махнул рукой Лоу Цзяну и Е Цану, ожидавшим в стороне, приказывая им поднять человека на борт. Лоу Цзян со вздохом и явной неохотой снова опустил лодку.

На редкость, в этот раз его мнение совпадало с мнением этих избалованных наследников.

...Ему тоже не хотелось поднимать этого типа на борт.

— Амиабха, слава Будде, слава Будде, — едва взойдя на борт, монах картинно сложил ладони в приветствии. Внешность у него была довольно приятная, но глаза горели зелёным огнём от голода. Казалось, дай ему сейчас ножку стола — и он её сгрызёт. — Смиранный монах, сражаясь с демонами, провёл здесь более десяти дней. Силы и дух мои иссякли. Прошу благодетелей оказать милость и поделиться чем-нибудь съестным.

Лоу Цзян тяжело вздохнул, чувствуя, как начинает болеть голова.

Ну конечно. С таким уровнем совершенствования продержаться десять дней в миазмах, да ещё и с такой манерой речи... это мог быть только тот самый человек из Школы Будды.

Цю Бодэн, стоя подальше от жадно поглощавшего еду монаха и зажав нос, спросил Цзо Юэшэна:

— Какая мирская пыль затуманила взор чань-мастера Учэня, что он постриг в монахи такое чудо?

Вслед за Цзо Юэшэном и Лоу Цзяном Цю Бодэн тоже узнал этого бритоголового, который, вместо того чтобы сидеть в своём храме, ошивался в тумане.

Сын Будды из Школы Будды, монах Пуду.

Или, как его ещё называли, «монах Буду».

Собственно говоря, история этого бритоголового была чем-то схожа с историей самого Цю Бодэна.

Когда-то первый монах Школы Будды, чань-мастер Учэнь, странствуя по миру, нашёл на дороге младенца с «семью отверстиями в сердце» — прирождённого гения. Чань-мастер Учэнь был глубоко сведущ в пути чань и всегда считал, что дхарма Будды существует для спасения мира. Всех, кто желал обратиться к Будде, независимо от их происхождения, он был готов наставлять, если их душа была добра. Отношения «учитель-ученик» он считал лишь мирской условностью, поэтому у него никогда не было личных учеников. Но, видимо, такова была его карма. Найденный им младенец, «связанный с Буддой», обладал таким талантом и духовной силой, что даже мастер поддался искушению и, нарушив свои правила, взял его в ученики, дав ему имя «Пуду».

Уже по одному этому имени — «Всеобщее спасение» — можно было судить, какие великие надежды возлагал чань-мастер Учэнь на своего драгоценного ученика.

Поначалу маленький монах Пуду оправдывал ожидания. Он запоминал священные тексты с одного прочтения, с лёгкостью постигал и боевые искусства, и учение чань, и даже овладел одной из высших тайных техник Школы Будды — «Созерцанием всех живых существ», позволяющей видеть прошлое людей. Школа Будды, ослеплённая его талантом, не стала долго раздумывать и провозгласила его Сыном Будды своего поколения.

Став Сыном Будды, он, по обычаю, должен был отправиться в мир людей, чтобы спасти страждущих и накапливать заслуги для обретения золотого тела.

Всё пошло наперекосяк именно с этих «странствий Сына Будды».

Чань-мастер Учэнь и другие монахи Школы Будды, глядя на молодых гениев других школ, были уверены, что Сын Будды Пуду скоро войдёт в число лучших — ну, хотя бы в первую десятку. И действительно, не прошло и трёх месяцев, как их Сын Будды стремительно ворвался в один из списков, заняв там довольно высокое место, сразу после первого, полностью «оправдав их ожидания».

— Если бы только это не был «Рейтинг главных повес Поднебесной».

— Так это он, — догадался Лу Цзин. — Я помню, у него ещё было известное прозвище... что-то там «спасает», «не спасает»?

— Саньду-сань-буду, — машинально ответил Цзо Юэшэн, что-то прикидывая в уме. — Золото спасает, медь — нет; серебро спасает, железо — нет; нефрит спасает, камень — нет.

В Двенадцати областях ходило шесть основных видов валюты: нефритовые деньги, золотые слитки, серебряные монеты, медные монеты, железные ножи и каменные гроши. Золото, серебро и нефрит ценились высоко, медь, железо и камень — низко. Иными словами, этот Сын Будды спасал только богатых, а с бедными у него «не было кармической связи». Как только его девиз «Три спасает, три — нет» стал известен, Сын Будды мгновенно прославился на все Двенадцать областей, и люди перестали называть его монахом Пуду, а прозвали «монахом Буду».

— Вот это и называется «мой Будда не спасает бедняков», — заключил Цю Бодэн.

— Хорошо сказано: «мой Будда не спасает бедняков», — монах Буду, со скоростью урагана прикончив еду на столе, с энтузиазмом подошёл к ним. — Вы, должно быть, и есть благодетель Цю, первый в списке? Давно наслышан, давно наслышан!

Цю Бодэн изобразил на лице улыбку.

— Да не так уж и давно, всего лишь в прошлом году возглавил список. Вы мне льстите.

— Что вы, что вы.

Монах Буду сложил ладони и любезно улыбнулся. После своего душераздирающего вопля «спасите!» он понял, что план изображать из себя «скрытого мастера» провалился. Чтобы наладить отношения с этими «весьма связанными с Буддой» благодетелями, ему придётся действовать по-другому.

Во-первых, нужно было исправить неблагоприятное первое впечатление.

— Благодетель, известно ли вам, что в скором времени вас ждёт кровавая беда? — произнёс монах Буду, стараясь говорить как можно более шокирующе. — Смиранный монах давно практикует буддийскую технику «Созерцания», позволяющую видеть прошлое и будущее. Странствуя, я внезапно ощутил трепет в душе и, открыв око мудрости, узрел грядущие три дня. Я видел, как двое... трое из вас погибнут в городе Жу!

Во-вторых, нужно было казаться глубокомысленным.

Он упомянул убедительную буддийскую технику, чтобы продемонстрировать свою «прозорливость».

Говорить следовало низким, размеренным голосом.

Монах Буду самоуверенно ждал реакции троицы. Неважно, усомнятся ли они в «кровавой беде» или спросят, откуда он знает, что они здесь окажутся, — у него на всё был готов ответ.

— Может, сбросим его?

Цю Бодэн перебирал пилюли, которые он выиграл у Лу Цзина за последние дни, в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве освежителя воздуха. Лу Цзин любил азартные игры, но ему фатально не везло, да и со счётом у него было не очень, так что почти все его пилюли уже перекочевали к Цю Бодэну и Цзо Юэшэну.

— Кувшин вина — четыре ляна серебра, две тарелки овощей «юньлай» — два ляна серебра, три блюда цветков водного челнока... — Цзо Юэшэн неизвестно где раздобыл счёты и теперь щёлкал костяшками, подсчитывая, сколько съел монах. — Итого... пятьдесят два ляна серебра. Будешь платить серебром или чётками?

— ... — монах Буду не верил своим ушам. — Эй, эй, эй! Через три дня вас ждёт кровавая беда! Я тут, между прочим, в миазмах десять дней просидел! Даже если вы не цените моих стараний, хоть о своей-то жизни побеспокойтесь!

— Кровавая беда? — Лу Цзин засомневался и, поколебавшись, посмотрел на Цю Бодэна. — Как думаешь, он правду говорит?

Цю Бодэн, не поднимая головы, ответил:

— Есть такой вид мошенничества. Сначала притворяются каким-нибудь отшельником, находят богача и говорят ему: «Такого-то числа тебя ждёт кровавая беда. Если дашь мне столько-то серебра, я помогу тебе её избежать». Если тот не верит, мошенник в назначенный день посылает своих подручных напугать его. Богач, столкнувшись с неприятностями, решает, что мошенник и впрямь провидец... Е Цан! Иди сюда и сбрось этого обманщика!

<http://bllate.org/book/16967/1586654>